

ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

Слава приласкала его, когда ему было всего 24 года. Такая, о которой нынешнее поколение артистов вряд ли смеет и мечтать. Где бы ни появлялся Сергей Захаров, его чарующий баритон повсюду оставлял целые груды разбитых девичьих сердец. Миллионы женщин с ума сходили при виде высокого черноволосого красавца. Сергею с легкостью покорялись любые вершины музыкального Олимпа. Казалось, еще немного, и он станет звездой мирового уровня... Сказка, однако, длилась недолго. В 27 лет Захаров оказался в тюрьме. Ровно год его волшебным голосом могли наслаждаться лишь обитатели знаменитых "Крестов". Он сумел вернуться, но прежним Захаровым уже не стал.

История Сергея Захарова, во всяком случае, самое ее начало, до боли напоминает судьбу его знаменитого коллеги из Испании — Хулио Иглесиаса. То же раннее и не менее серьезное увлечение футболом, та же позиция на поле. Правда, не в воротах такого суперклуба, как мадридский "Реал". Но и николаевский "Судостроитель", "рамку" которого охранял Захаров, в союзном классе "Б" вовсе не ходил в отстающих. Тем более что вскоре Сергею получил приглашение в юношескую сборную Украины. Специалисты наперебой обещали 17-летнему верзиге большое спортивное будущее. Однако так же, как в свое время и "пиренейскому соловью", с футболом Захарову пришлось "завязать" из-за нелепой травмы. Во время одного из матчей после игрового столкновения у Сергея "полетели" сразу оба мениска. Операция прошла успешно, но вердикт врачей оказался неумолим: "О футболе можешь забыть".

Теперь Захаров признается, что записываться в певческий кружок при Дворце юных моряков он пошел с горя. Надо было отвлечь себя от навязчивой мысли, что с футболом покончено раз и навсегда. Правда, в ту пору никому и в голову не могло прийти, что из неудавшегося вратаря может выйти что-то путное. Во всяком случае, местные бабульки оценивали ночные серенады певца-самоучки весьма критично — вылитыми на его голову помоями.

В рабстве у Утесова

Высокого, статного, импозантного юношу моментально зачислили на курсы Гнесинки в "любимчики" педагогов. Великолепный слух, отличное владение своим красивейшим от природы баритоном, та легкость, с которой прилежный ученик разучивал сложнейшие партии, — в нем подкупало все. Дело осложнялось лишь тем, что Захаров к тому времени был уже женат. На Алле, дочери военного, он женился еще будучи в армии. Вскоре у них родилась дочка Наташа. И когда после службы Сергей отправился на свой страд и риск искать счастья в Москву, жену с маленькой дочкой пришлось "демобилизовать" во Владимир.

Хочешь не хочешь, а семью надо было чем-то кормить. Сергей пошел работать в оркестр ресторана "Арбат". Рассчитанное на 1200 посадочных мест, это элитное питейное заведение считалось тогда самым крупным в Европе. И еще там прилично платили — до 25 рублей за вечер, что по тем временам казалось просто сказкой. В "Арбате" Захаров перепел все и на всех языках: английском, итальянском, французском. Природный фонетический слух позволял ему улавливать любые интонации. Как-то в ресторане молодого певца услышал сам Утесов, после чего дальнейшая судьба Захарова была практически решена. Какой нормальный человек смог бы отказаться от предложения стать солистом в оркестре великого Утесова?

— Я должен вас разочаровать, — качает головой Сергей Георгиевич, — Утесов был довольно угрюмым, нелюдимым человеком. Пожилой, обрюзгий, с неподвижным лицом, со злыми глазами... При первой же встрече Утесов мне сказал: "Идишь солистом в мой оркестр — и на гастроли, на гастроли... Овации и аплодисменты, все остальное я тебе обеспечу". "Что — все?" — спрашиваю. "Квартира в Москве будет, пропишу... А пока — на гастроли". Я говорю: "Леонид Осипович, хорошо. Меня все устраивает (хотя тогда уже предполагал, что он врет). Но я ведь еще учусь". На что он мне ответил: "Ха! Посмотри на меня! Я никогда не учился — и народный артист Советского Союза, кумир поколений. Не это главное. Главное — сцена. Сцена все сделает". Что и говорить, Утесов умел убеждать.

Сергей взял в институте на месяц "академку" по семейным обстоятельствам и укатил с оркестром на гастроли. Сибирь, Урал, Дальний Восток — десятки городов проносились в окошках поездов. Концерт за концертом... При этом останавливаться артистам приходилось в грязных, непригодных для жилья цирковых гостиницах. Сам златоустовский эстрады со своими музыкантами по городам и весям, разумеется, не ездил. О причастности легенды к оркестру напоминал разве что его звучащий в начале каждого концерта записанный на пленку голос: "Дорогие товарищи, мне очень жаль, что сегодня я не могу быть вместе с вами. Но мои друзья все здесь..."

— Только когда я уехал — понял, как меня жестоко обманули, — говорит Захаров, — Утесову нужно было срочно спасать гастроль. А что со мной будет потом — его не волновало совершенно. Но вырваться оттуда не было ни малейшей возможности. Деньги платили только на базе оркестра, то есть в Москве. Обыкновенная кабала.

В Москву Сергей вернулся только через семь месяцев. За опоздание из академического его отчислили из Гнесинки, грозились выгнать из студенческого общежития. В ресторане, разумеется, тоже не стали терпеть многомесячных прогулов певца. В деньгах за это время Сергей потерял, и значительно. 6 рублей официальной ставки за концерт против 25 за вечер в ресторане. Захаров твердо решил уйти от Утесова.

Помог случай. Весной к Сергею в Москву приехал старший брат Валентин, и они, празднично шатаясь по столице, пошли на концерт гремезшего тогда на всю страну Ленинградского мюзик-холла под руководством Ильи Рахлина. Купили два билета на галерку, подшевели.

Сергей Захаров:
"Я благодарен тем, кто меня посадил"

— После грязных утесовских гастролей концерт мюзик-холла показался мне сказкой, — вспоминает певец. — Такой праздник на сцене! Это было здорово: прекрасный спектакль, феерический балет, оркестр. Я как завороченный говорю брату: "Валентин, пошли". — "Куда, чего?" — "За кулисы. Я хочу здесь работать".

После спектакля Захаров, как в бреду, пошел прямою через сцену. Дорогу за кулисы перегородил зав. труппой Рогоцкий: "Молодой человек, вы куда?" У Сергея перехватило дыхание: "Я из Гнесинки... Хочу прослушаться у вас..."

— Помню, — говорит Захаров, — лишь улыбающиеся глаза Ильи Яковлевича и его слова: "Ну, что, молодой человек, поедем в Ленинград?". Только что была стена: из института выгнали, из ресторана выгнали, жить негде, к Утесову не пойду... Куда? Во Владимир к жене? И вдруг занавес распахнулся, и впереди — необъятные дали.

Уже через пять дней Захаров вышел на сцену Ленинградского мюзик-холла. А спустя еще несколько дней, набравшись смелости, пошел к Утесову за трудовой книжкой. Узнав, что его солист уходит, народный артист заткал форменный скандал. "К кому? К Рахлину? К этому плебею, который узурпировал мое дело!" Как позже выяснил Сергей, два выдающихся артиста друг друга терпеть не могли. Леонид Осипович так и не смог смириться с тем, что у него, у великого Утесова, не получилось возродить мюзик-холл, а какому-то Рахлину это удалось. Последними словами, которые услышал Захаров от Утесова, были: "Ну, ты меня еще вспомнишь!"

Утесова Сергей вспомнил уже довольно скоро. В "Советской культуре" вышла разгромная статья про зарвавшегося молодого певца "с модным чемадончиком". Стиляга, одним словом. Убийственный диагноз. Насчет того, что материал шел по указке самого Утесова, Захаров не сомневался. Жена Гуляева, директора утесовского оркестра, работала в этой газете. На следующий день Захаров позвонил поэт Ильи Резник. "Слушай, ты читал "Культуру"? Что будет?! Это же все! Крах!"

Но краха не последовало. Все случилось с точностью до наоборот. Молодой певец уехал в Ленинград, тут же получил служебную квартиру, перевез туда жену и маленького ребенка. Ему даже удалось перевестись из Гнесинки в Ленинградское училище имени Мусоргского на отделение вокала. А через несколько месяцев Захарова вызвали в Министерство культуры и сказали: "Сергей, мы послушали, как вы работаете, и решили послать вас на конкурсы "Золотой Орфей" и в Сопот". Всего полгода 24-летний Захаров отработал в Ленинградском мюзик-холле — и такой успех!

1974 год стал триумфальным шествием молодого советского певца по концертным площадкам тогдашнего соцлагеря. Первая премия на "Орфее", высшая награда на фестивале в Дрездене, Гран-при Сопота. "Золотой Орфей" показали по Центральному телевидению, и уже на следующий день о молодом красавце-баритоне заговорила вся страна. Лучшие композиторы Советского Союза — Оскар Фельцман, Марк Фрадкин, Александра Пахмутова — становились в очередь к молодому дарованию в надежде на сотрудничество. Немислима череда записей на радио, "Голубые огоньки", "Песни года", правительственные концерты, главная роль в фильме "Небесные ласточки" — страна отчаянно полюбила своего нового героя. На вопрос о том, с кем из нынешних кумиров можно сравнить его по тогдашней популярности, Захаров без ложной скромности отвечает: "Ну, как Киркоров сейчас. Больше, чем Муслим Магомаев в то время. По уровню всеобщей истерии мне не было равных". Правда, одиночке по жизни, Захарову неожиданно свалившаяся на него всенародная любовь пришлось не по вкусу.

— Меня это сильно раздражало. Невозможно было спокойно гулять по улице, ходить в магазин... Всем хотелось получить у меня автограф, посмотреть, пощупать. Понимаете, многие так называемые поклонники — с психическими отклонениями. Ночевать на лестнице, ждать, когда он выйдет, когда придет — это

разве нормально? Абсолютная шизофрения. На самом деле я большой мизантроп и одиночка, затворник... Поверьте мне, не все артисты — донжуаны и ловеласы, не вылезающие из чужих кроватей.

Падение в пропасть

Следующей ступенькой в карьере Захарова должно было стать воплощение его детской мечты — уход в оперу. Но планам Сергея не суждено было осуществиться. Первый секретарь Ленинградского обкома Григорий Васильевич Романов — человек жестокий, мстительный — приревновал молодое дарование к другой гордости Северной столицы — певице Людмиле Сенчиной. По словам Захарова, между ними вообще ничего и не было. Сергей дружил с Людмилей, они постоянно работали на концертах, всюду вместе ездили: в одном вагоне, в одном купе. Не более. Но Романову, восплававшему пламенной страстью к симпатичной певице, все казалось иначе.

— Я в юности был большим драчуном, — говорит Захаров. — Никому не давал спуску: ни на футбольном поле, ни на танцах. И всегда ходил в синяках. Мог в кровь быть разбит, но пока не добью противника — не сдавался. Я же Теллец по гороскопу. И завести меня было несложно — достаточно просто толкнуть. Об этом знали, и меня начали провоцировать. Оружием места стал администратор Ленинградского мюзик-холла Михаил Кудряшов. Целый месяц он меня унижал, подчеркивал, что я — никто, а он — все. Приставал к моей жене, грязно улыбался, все время на что-то намекал. Вплоть до того, что при встрече в коридоре "плечо в плечо" он обязательно меня задевал. Явно человек работал по заданию. Добивался и добился своего.

Однажды Захаров пришел к администратору коллектива и попросил две контрамарки для своих друзей. Ответом было: "Мои артисты уже все по местам. Идите, идите — не мешайте". Что не на шутку взбесило не в меру горячего певца: "Какие ваши артисты? Вы — рядовой администратор. Выполняйте свои функции". Слово за слово — произошла стычка. Первым удар нанес Захаров — администратор улетел в шкаф, разбив все на своем пути. Завязалась драка, в которой досталось как одному, так и другому.

На следующий день в милицию поступила телефонограмма из больницы — у пострадавшего Кудряшова были обнаружены "тяжкие телесные повреждения". Одна за другой в центральных изданиях стали появляться обличительные разгромные статьи, самая яркая из которых под названием "Баритон разбушевался" вышла в "Комсомолеце". Газетчики не пожалели самых ярких красок, чтобы живописать, как именно Захаров бил "несчастную жертву своей ярости". На одном из допросов следователь не без удивления спросил растерявшегося Сергея: "Как ты мог в таком молодом возрасте найти себе ТАКИХ врагов?". Захаров ушел в себя, никого не хотел видеть, начал выпивать. И однажды гаишники поймали его за рулем в нетрезвом состоянии. Для человека, находящегося под следствием, это уже было серьезным правонарушением. "Социальная опасность" стала весомым доводом для заключения Захарова под стражу. На следующее утро его арестовали и увезли в "Кресты". Там он просидел три месяца. До суда.

— Я тогда не очень-то переживал, — вспоминает Захаров. — В молодости ко всему проще относиться. Тюрьма — так тюрьма. Тем более попал я в камеру к очень достойным людям — так называемым хозяйственникам. Один — врач с незаконным абортотом, другой — строитель, добывший не тем путем материалы. Угольников не было. С удовольствием общался со "строгачом", сидевшим в "крытке" на строгом режиме. И никогда ни один из эзков не вспомнил о моей профессии. Вместе качались, вместе ходили на прогулки, шутили, курили. Там вообще все перестало быть теми, кем были на воле. Человека видно насквозь, сразу. Нет ни врачей, ни строителей, ни певцов — там есть только люди, в чистом виде люди.

Тогда, в 77-м, только приняли новую брежневскую Конституцию, формально объявившую: "У нас перед законом все равны". И история зарвавшегося певца, посчитавшего, что ему дозволено больше, чем остальным, возникла как нельзя кстати. Закрытое судебное заседание вынесло Захарову довольно странное определение: "За прерывание служебной деятельности" по статье 109, часть 1. Дали год "химии" в Сланцах, определив знаменитого певца камерником 3-го разряда. Захаров быстро превратился здесь в местную достопримечательность. Сланцевских школьников водили посмотреть на наглядное подтверждение равенства всех перед законом: "Посмотрите, дети. Еще недавно этот дядя пел с телеэкрана, а теперь

кирпичи носит. Будете себя плохо вести — с вами случится то же самое". Народ у нас — жестокий, — сокрушается певец. — Каждому хотелось пнуть поверженного льва. Терпеть такой цирк сил уже не оставалось, и я попросился обратно в "Кресты". Там, слава Богу, меня никто не трогал. Чем занимался? Изготавливал картонные коробки для мелков, а также был воспитателем на "малолетке". За весь год отсидки я не спел ни ноты.

Выпустили Захарова на несколько дней раньше положенного срока. От греха подальше. Боялись, что в день официального освобождения у "Крестов" соберется огромная толпа. Поэтому знаменитого арестанта прямо у тюремных ворот посадили в машину и привезли домой к жене. Сдали с рук на руки. Войдя в квартиру, Захаров еще долго не мог поверить собственным глазам — перед собой он увидел только голые стены. Его жене Алле, оставшейся одной с маленьким ребенком, при зарплате светотехника мюзик-холла в 70 рублей, пришлось продать практически все. Чешские люстры, ковры, хрусталь — все, что имело ценность, пошло за этот черный год "с молотка".

Со следующего дня у подъезда оскандалившего артиста начала дежурить толпа. Человек по 150—200. Ждали выхода. И хотя в прессе и на телевидении на имя Захарова было наложено табу, а весь тираж его пластинок был изъят из магазинов и размагничен, народ своего любимца не забыл. Ушлые директора сразу смекнули, что на повышенном интересе к только что освобожденному из тюрьмы артисту можно сорвать неплохой куш. И вскоре Захаров поехал на гастроли. С полнымным залами, хорошей оплатой... Но только по провинции. Москва, Ленинград и другие крупные города еще долго оставались для него закрытыми. Оставалась и еще одна проблема, решить которую Захаров не мог гораздо дольше.

— Вы знаете, — говорит певец, — как это ни удивительно, я даже благодарен тем людям, которые меня посадили. Год в тюрьме — как 20 лет на воле. Очень быстро, четко, емко познаешь человеческую природу — ничего не мешает... К тому времени я очень устал. От внимания, от невозможности вести обычную, нормальную жизнь. Это было как кара за то малодушие, которое я проявил, не уйдя в оперу. Несмотря на успех, неудовлетворенность собой достигала какого-то критического момента. Ее надо было чем-то заглушить. И я очень серьезно увлекся алкоголем. Жизнь разрушалась. Еще немного, и я бы просто сгорел. Доходило до того, что я ни черта не помнил. Что было вчера, позавчера...

С алкоголизмом, а именно так сам певец классифицирует свою привязанность к спиртному, Захарову пришлось бороться очень долго. Глухие залпы в собственной квартире стали для него обычным делом. На несколько дней, на неделю — пока хватало сил. Близкие люди говорили, что, когда Сергей выпьет, он становится совершенно непохожим на себя. Вся чернота, весь подсознательный мусор выплывал наружу.

— В конце концов я понял, что неизлечимо болен, — рассказывает Сергей Георгиевич. — Понял, что если для одних людей алкоголь — развлечение, то для меня — цианистый калий. Болезнь ведь себя никак не проявляет, пока ты сам ей не позволишь. Но она есть. Она всегда с тобой, и она неизлечима. Надо просто сказать себе: "стоп", и ни в коем случае не прикасаться к спиртному. Лет 10 уже мне это удается...

Тень Киркорова

Между тем в 1983-м с поста 1-го секретаря Ленинградского обкома освободили злого гения Захарова — Григория Романова. На его место пришел Лев Зайков, который поспешил вступить за опального певца и обратился с ходатайством в ЦК КПСС. Захарова разыскали в Биробиджане, на гастролях, и в срочном порядке вызвали в Ленинград на городское мероприятие, посвященное 8 Марта. Черная полоса вновь сменилась белой. Певец вернулся в Ленинградский мюзик-холл, возобновились сольнерные концерты в Колонном зале, в "России". Захарова снова стали приглашать на "Огоньки", "Песни года"... Все вроде встало на свои места.

Но в середине 80-х, когда о Захарове окончательно вспомнили, он уже не мог конкурировать с народившейся тогда плеядой новых звезд. Через несколько лет о некогда популярном певце говорили лишь в связи с его поразительным внешним сходством с кумиром нового поколения — Филиппом Киркоровым. Самая популярная байка тех лет: Киркоров — внебрачный сын Захарова.

— Насчет нашего кровного родства, — улыбается Захаров, — я, мягко говоря, сомневаюсь. Очень внимательно к нему тогда присматривался, но знаю точно — за мной никаких грехов нет. Да и по годам не сходится. Имено в виду его возраст и мое посещение Болгарии, Да, похожи, но это все наше общее тюрко-еврейское происхождение виновато. А вот крестным отцом Киркорова меня назвать можно. В 86-м году Филипп со своей мамой пришли на мой концерт в Театр эстрады. Передали привет от Бедроса, а также поинтересовались: с чего бы Филиппу начать. В любом случае, — говорю, — нужно начинать с образования. Поставить голос хоть чуть-чуть. И послал Филиппа к своей первой преподавательнице — Маргарите Иосифовне. Парень он — фактурный, красивый, большой. Какой бы у него ни был голос, она его достанет. Так и получилось. Потом он так же, как и я, пошел в Ленинградский мюзик-холл. А потом уже в его жизни появилась Алла Борисовна.

Сейчас Захаров часто задумывается: что же нужно было изменить в жизни? И неизменно приходит к одному и тому же выводу: надо было закончить институт им. Гнесиных и идти в оперу.

— Об опере, — вздыхает певец, — я задумался еще в 75-м, когда закрутила вся эта эстрадная круговерть. Но уже тогда что-либо менять было поздно. Опера — это труд, требующий огромной выносливости. Мощности машины паровой, которая должна работать и работать. На износ. Эстрада — легкий жанр. Принсящий много денег, славу, аплодисменты и улыбки. Очень сложно от всего этого уйти... Во всяком случае, я не смог.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

Захаров Сергей

28.07.03